

SEMIOTICS AND INFORMATICS

**СЕМИОТИКА
И
ИНФОРМАТИКА**

**ТРИДЦАТЬ ПЯТЫЙ
ВЫПУСК**

OPERA SELECTA

SEMIOTICS AND INFORMATICS

issue 35

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

выпуск 35

ОТ РЕДАКЦИИ

«Семиотика и информатика» — издание с большой традицией и историей. Этот сборник всегда был «элитным» изданием — малотиражным, но хорошо известным в Москве и за ее пределами, и не только среди лингвистов и математиков, которые были основными его авторами. Старые его номера давно стали библиографической редкостью. В настоящем выпуске мы предоставляем нашим читателям возможность совершить экскурсию по давним, причем лингвистическим, страницам «Семиотики и информатики» (до 28 выпуска включительно), перелистать давно опубликованные, но не утратившие актуальности и сегодня статьи, поразмышлять о них снова.

Российская Академия наук Министерство науки и технической
политики Российской Федерации
ВСЕРОССИЙСКИЙ ИНСТИТУТ НАУЧНОЙ
И ТЕХНИЧЕСКОЙ ИНФОРМАЦИИ

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

Opera selecta

СБОРНИК НАУЧНЫХ СТАТЕЙ

Выпуск 35

SEMIOTICS and INFORMATICS

Issue 35

Издается с 1971 г.

«ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ»

«РУССКИЕ СЛОВАРИ»

Москва 1997

Издание осуществлено при финансовой поддержке
Российского гуманитарного научного фонда
(РГНФ)

проект 97-04-16343

Редакция благодарит за финансовую поддержку
фирму SEBM INC

Семиотика и информатика, вып. 35

Очередной, 35 выпуск периодического сборника «Семиотика и информатика» необычен. В него входят избранные лингвистические статьи, опубликованные в номерах «Семиотики» прошлых лет (с 1 по 28 выпуск включительно) и прочно вошедшие в научный оборот, но ставшие библиографической редкостью.

Главный редактор — проф. д.ф.-м.н. *В. А. Успенский*

Ответственный секретарь — к.ф.н. *Е. В. Рахилина*

Редколлегия: д.ф.н. *И. М. Богуславский*, д.ф.-м.н. *В. Б. Борщев*, проф. д.ф.н. *Р. С. Гиляревский*, к.т.н. *М. И. Забейайло*, *Лена Зильберквит*, *Т. Н. Ляппалайнен*, д.ф.н. *Е. В. Падучева*, проф. д.т.н. *Д. А. Поспелов*, к.ф.-м.н. *Д. П. Скворцов*, проф. д.т.н. *В. К. Финн*, проф. д.ф.-м.н. *Г. С. Цейтин*

Editor-in-chief — Prof. Dr. *Vladimir A. Uspensky*

Associate editor — Dr. *Ekaterina V. Rakhilina*

Editorial board — Dr. *Igor M. Boguslawski*, Dr. *Vladimir B. Borshchev*, Prof. Dr. *Rugero S. Giliarevsky*, Dr. *Mikhail I. Zabezhaylo*, *Lena Zilberquit*, *Tatiana N. Lappalainen*, Dr. *Elena V. Paducheva*, Prof. Dr. *Dmitry A. Pospelov*, Dr. *Dmitry P. Skvortsov*, Prof. Dr. *Viktor K. Finn*, Prof. Dr. *Grigory S. Tseytin*

В подготовке выпуска принимали участие:

Л. Крейдлин, *Д. Кузнецов*, *М. Минина*, *А. Рябчиков*, *К. Гилярова*,
А. Шипунова, *В. Гусев*

ISSN 0135—8537

© Semiotics and Informatics, 1997

© «Русские словари», оригинал-макет, 1997

Электронная версия данного издания является собственностью издательства, и ее распространение без согласия издательства запрещается.

СОДЕРЖАНИЕ

I

- А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.* О контекстной синонимии единственного и множественного числа существительных (1974).....7
- И. А. Мельчук.* Опыт разработки фрагмента системы понятий и терминов для морфологии (к формализации языка лингвистики) (1975) 15
- А. А. Зализняк, Е. В. Падучева.* К типологии относительного предложения (1975).....59
- Г. Е. Крейдлин.* Лексема ДАЖЕ (1975) 108
- В. И. Гаврилова.* Особенности семантики, синтаксиса и морфологии глаголов присоединения (1975) 121
- Н. В. Перцов.* О синтаксической конструкции как о грамматическом средстве языка (1978) 140
- В. А. Успенский.* О вещных коннотациях абстрактных существительных (1979) 146
- А. В. Гладкий.* О значении союза ЕСЛИ (1982) 153
- Е. В. Падучева.* Тема языковой коммуникации в сказках Льюиса Кэрролла (1982) 184
- М. А. Кронгауз.* Тип референции именных групп с местоимениями ВСЕ, ВСЯКИЙ, КАЖДЫЙ (1984).....227
- С. А. Крылов.* Детерминация имени в русском языке: теоретические проблемы (1984) 244
- Ю. Д. Апресян.* Дейксис в лексике и грамматике и наивная модель мира (1986)272
- Л. П. Крысин.* Социальные ограничения в семантике и сочетаемости языковых единиц (1986) 299

II

- И. Ньютон.* Об универсальном языке.....319
- Г. Фреге.* Смысл и денотат351
- Г. Фреге.* Понятие и вещь380

CONTENTS

I

A. A. Zalizniak, E. V. Paducheva. On contextual synonymy of singular and plural forms of nouns (1974).....	7
I. A. Mel'čuk. Towards a system of formal notions for morphology (1975)	15
A. A. Zalizniak, E. V. Paducheva. Towards a typology of relative clause (1975).....	59
G. E. Kreidlin. The lexeme DAZHE (1975)	108
V. I. Gavrilova. Verbs of «joining»: semantic, syntactic and morphological properties (1975)	121
N. V. Pertsov. Syntactic construction as a grammatical means (1978)	140
V. A. Uspensky. On material connotations of abstract nouns (1979)	146
A. V. Gladky. The meaning of the conjunction ESLI (1982)	153
E. V. Paducheva. Linguistic communication in Lewis Carroll's tales (1982)	184
M. A. Kronhaus. Reference type of NPs including pronouns VSE, VSJAKIJ, KAZHDYJ (1984)	227
S. A. Krylov. Determination and the Russian nouns: theoretical issues (1984)	244
Ju. D. Apresyan. Deixis in the lexicon and grammar and the folk model of the world (1986)	272
L. P. Krysin. Social constraints in semantics and combinability of linguistic units (1986).....	299

II

I. Newton. On an Universall Language	319
G. Frege. Sense and reference.	351
G. Frege. Concept and thing	380

I

А. А. Зализняк, Е. В. Падучева

О КОНТЕКСТНОЙ СИНОНИМИИ ЕДИНСТВЕННОГО И МНОЖЕСТВЕННОГО ЧИСЛА СУЩЕСТВИТЕЛЬНЫХ

В грамматиках (например, в работе [1]) обычно утверждает-ся, что категория числа существительного создается противопоставлением словоформ со значением единичности — т. е. словоформ, в значение которых входит сведение о том, что имеется в виду один предмет некоторого рода, — и словоформ со значением раздельной множественности — т. е. словоформ, в значение которых входит сведение о том, что имеется в виду (а) более чем один предмет некоторого рода (но не указано, сколько); (б) предметы мыслятся расчлененно, а не как образующие в своей совокупности новый предмет (ср. *студенты* — *студенчество*, *тряпки* — *тряпье*).

Известно, однако, что в определенных контекстах существительное в ед. числе не имеет значения единичности; ср. предложение

(1) *Пожилый человек легко простужается*,
в котором словоформа *человек* не обозначает единичного человека и которое поэтому синонимично предложению

(1') *Пожилые люди легко простужаются*,
где слово *человек* употреблено во мн. числе. Рассмотрение примеров такого рода заставило некоторых лингвистов трактовать противопоставление ед. и мн. числа как привативную оппозицию, а именно, считать, что словоформы ед. числа характеризуются не тем, что в них имеется значение единичности, а тем,

что в них «отсутствует указание на какое-либо количество» [2, с. 89].

Такое описание не принимает, однако, во внимание, например, то обстоятельство, что и словоформы мн. числа могут употребляться как не содержащие информации «более, чем один»; ср. примеры из работ [3] и [4]:

(2) *В вагоне у нас новые пассажиры: молодая женщина с чемоданом;*

(3) *Не дави живых людей — я еще не умерла.*

Хорошо известны и другие примеры контекстов, в которых ед. число не имеет значения единичности, а множественное — множественности. Одним из них является сочетание с числительными. Во многих языках мира, например, тюркских или угро-финских, существительные в таких сочетаниях всегда стоят в ед. числе. В русском языке ситуация сложнее, ср. *два стола — пять столов* и *два стола — два часовых*. Такое соотношение можно описать либо как употребление ед. и мн. чисел, не соответствующее основному смыслу числового противопоставления, либо как наличие у русского существительного особой «счетной формы» [5], в которой противопоставление по числу отсутствует. На этом фоне даже ситуацию в языках типа латышн, где употребление чисел при числительных представляется прямо соответствующим смыслу (*unus homo — duo, quinque homines*), естественно рассматривать лишь как частный случай автоматического выбора числа.

Другим примером нейтрализации числового противопоставления является употребление ед. числа в так называемом дистрибутивном значении [6] ‘для каждого свой (своя, свое)’, как употреблено слово *нос* в примере

(4) *Советники надели на нос очки;*

ср. изменение числа при переводе этого предложения на другой язык:

(5) *The counselors put the spectacles on their noses.*

Тем самым для категории числа имеет место та же трудность, которая хорошо известна, например, по отношению к категории падежа, — трудность выявления такого значения каждой из категориальных форм числа, которое отражало бы все контексты ее употребления. Представляется вполне плодотворным, следуя принципу, сформулированному Е. Куриловичем [7], при описании значения словоформ ед. и мн. числа ориентироваться только на ограниченный круг исходных, первичных контекстов их употребления, а значения, возникающие в неисход-

ных, специальных контекстах — например, представленных примерами (1)-(5), — описывать отдельно¹. Аналогичным образом, значение форм ед. и мн. числа у так называемых неисчисляемых существительных типа *сахар*, *смелость* должно рассматриваться во вторую очередь, как возникающее в своего рода специальном контексте.

При анализе контекстов употребления словоформ ед. и мн. числа полезно рассматривать естественный язык в его соотношении с языками математической логики. В математической логике выражения, называющие предметы, делятся на имена (константы), которые обозначают конкретные предметы, и переменные, которые не обозначают никаких конкретных предметов («конкретные» понимаются не в противоположность абстрактным, а как синоним для слов «фиксированный», «выделенный», «определенный» и т. д.); при этом предложения с переменными имеют законченный смысл (т. е. выражают суждение) только в том случае, если переменная связана квантором — существования или всеобщности. Возникает, таким образом, естественное деление употреблений существительных на три группы: 1) употребления, при которых существительное обозначает конкретный объект; 2) употребления, при которых существительное соответствует переменной под квантором существования; 3) употребления, при которых существительное соответствует переменной под квантором всеобщности.

Противопоставление по числу является полноценным только для употреблений первой группы, и то не всегда, так как надо исключить, например, контекст с числительным и контекст, где ед. число имеет дистрибутивное значение. В употреблениях второй группы противопоставление 'один — более чем один' часто бывает, по естественным семантическим причинам, несущественным; действительно, если речь идет только о существовании, т. е. только о введении в рассмотрение некоторого рода предметов, то часто нет необходимости указывать их число (ср. [9]). Именно это обстоятельство приводит к употреблениям, представленным примером (3). Заметим, что в этих контекстах грамматичность категории числа в европейских языках часто становится обузой, вызывающей вполне опутимые трудности

¹ Что касается поисков инвариантного значения грамматического противопоставления (см. Р. О. Якобсон [8]), то к ним естественно переходить только после того, как проведено исследование вариантов значения, возникающих в каждом контексте.

выражения, ср. пример О. Есперсена [10]: *The property was left to her child or children* 'Имущество было оставлено ее ребенку или детям'. Ср. также распространенное в языке математики употребление слов *существует, имеется* (выражающих квантор существования) в значении 'существует по крайней мере один'; например, в предложении *У всякого ромба существует ось симметрии* ед. число существительного *ось* не означает, что имеется в виду 'существует только одна ось'.

Наконец, в употреблениях третьей группы, т. е. в контексте всеобщности, ед. и мн. число существительных синонимичны, и для выражения какого-то смысла либо могут с одинаковым успехом употребляться оба числа, либо, как будет показано в дальнейшем, выбор какого-то одного числа обусловлен побочными соображениями, не связанными с основным значением числового противопоставления.

Примеры синонимических пар предложений, возникающих при замене ед. числа на множественное в контексте всеобщности (т. е. пар типа (1)-(1')), фигурируют во всех грамматиках. Тем не менее, точное описание условий, при которых эта замена возможна, отсутствует. Ниже мы рассмотрим некоторые аспекты этой проблемы, а именно проанализируем ряд примеров, в которых замена единственного числа на множественное либо невозможна, либо требует сопутствующих изменений других элементов предложения. При этом мы ограничимся лишь предложениями, в которых всеобщность выражена эксплицитным образом (т. е. словами *всякий, никакой, каждый, любой*), а не имплицитно, как в предложении (1).

Перевод существительного во мн. число требует перевода во мн. число связанного с ним кванторного прилагательного. Интересный факт, причем касающийся не только русского языка, состоит в том, что почти все кванторные прилагательные имеют форму только одного числа, ср. работу [5], что отражает, видимо, их семантическую близость с числительными. Этот факт отчетливо выявляется, однако, лишь в том случае, если принять предложенную в работе [5] трактовку *pluralia tantum* как существительных, у которых ед. число не отсутствует, как считается обычно, а омонимично множественному, ср. *один дом : многие дома = одни сани : многие сани*; с точки зрения согласования с прилагательными *pluralia tantum* составляют, в таком случае, четвертый род, отличный от трех традиционных родов. Кроме того, для дальнейшего будет существенно, что с *pluralia tantum*, а точнее, с их ед. числом, семантически сходны сочета-

ния существительного с числительным — *пять минут, три точки* и т. д.: в обоих случаях называется некоторое единство, образованное двумя или более предметами, ср. *очки, бусы*, а также «нестойкие» *pluralia tantum* типа *сапоги, руки* в значении 'пара сапог', 'обе руки' и т. д.

Рассмотрим теперь последовательно интересующие нас кванторные прилагательные *всякий, никакой, каждый, любой, все*². Для слова *всякий* в рассматриваемом кванторном значении нельзя считать мн. числом *всякие* (имеющее значение 'всякого качества, подразумевается — в том числе плохого', например: *Люди попадают всякие*). Словоформа *всякие* от кванторного значения слова *всякий* употребляется только при существительных *pluralia tantum* и при сочетаниях существительного с числительным:

(6) *Бритва была бы здесь полезнее всяких ножиц;*

(7) *Всякие два разумных человека могут понять друг друга.*

Из сравнения (6) и (6') *Бритва была бы здесь полезнее всякого ножа* можно заключить, что словоформа *всяких* в (6) должна рассматриваться как словоформа ед. числа четвертого рода. Интерпретация же формы слова *всякие* в примере (7) зависит от того, как понимается его согласование. Предположение о том, что *всякий* согласуется с *человек*, наталкивается на большую трудность, состоящую в том, что слово *разумных*, которое можно было бы считать согласованным с существительным *человек*, стоит явно в другой форме. Естественнее предположить, что *всякие* согласуется не с существительным, а с сочетанием существительного с числительным (ср. согласование типа *дорогие папа и мама*). Тогда, учитывая сказанное выше о сходстве между сочетаниями существительного с числительным и *pluralia tantum*, *всякие* в (7) можно считать словоформой ед. числа четвертого рода. Таким образом, можно считать, что правило об отсутствии мн. числа у кванторного *всякий* не имеет исключений.

² Слова *всякий, каждый и любой* не являются, вообще говоря, полными синонимами, но семантических различий между ними мы здесь затрагивать не будем. Что же касается слова *никакой*, то оно находится в некотором регулярном соотношении со *всякий* — своего рода позиционным вариантом, который с большей или меньшей обязательностью замещает слово *всякий* в контексте отрицательно сказуемого, ср.: **Всякий пионер не боится волков* ⇒ *Никакой пионер не боится волков*; **Всякий человек не обязан подчиняться* ⇒ *Никакой человек не обязан подчиняться*.

И. А. Мельчук

ОПЫТ РАЗРАБОТКИ ФРАГМЕНТА СИСТЕМЫ ПОНЯТИЙ И ТЕРМИНОВ ДЛЯ МОРФОЛОГИИ (к формализации языка лингвистики)

§ 1. ВВЕДЕНИЕ

В настоящее время является, по-видимому, общепризнанным следующее положение:

Подлинный прогресс современной лингвистики невозможен без существенного уточнения ее формально-логического аппарата, т. е. без должной формализации ее научного языка.

Напомним, что требование построения единого формального языка для лингвистики было отчетливо сформулировано, в частности, Э. Хаугеном (США) еще в 1950 г. (см. [1]) и Вяч. В. Ивановым (СССР) — в его известном выступлении 1961 года [2]. С тех пор это требование, поддержанное и многими другими исследователями, неоднократно обсуждалось на страницах лингвистических публикаций (ср., в частности, [37]).

Говоря о языке лингвистики, прежде всего следует иметь в виду, что этот язык неоднороден. В действительности словосочетанием «язык лингвистики» обычно обозначают совокупность ряда искусственных языков, которые для целей рассмотрения удобно разбить, по крайней мере, на четыре класса:

I. Языки для записи представлений «естественно-языковых» выражений (т. е. выражений языка-объекта) на различных уровнях. Примерами таких языков могут служить: семантический язык — искусственный язык для записи смыслового содержания, или смысла, различных выражений естествен-

ных языков; языки для записи глубинно- и поверхностно-синтаксических представлений фраз; язык для записи морфологических представлений словоформ; язык для записи фонологических представлений высказываний. Конкретный набор и строение уровней представления высказывания и, соответственно, языков для записи этих представлений может быть, разумеется, разным — в зависимости от принятой лингвистической концепции.

II. Языки для записи правил соответствия между представлениями различных уровней.

III. Языки для записи процедур, формализующих процесс перехода от представления высказывания на одном уровне к его представлению на другом уровне (т. е. лингвистические языки алгоритмического типа).

IV. Язык (или, может быть, языки?) для описания самих единиц лингвистических языков классов I–III и соотношения этих формальных единиц с их содержательными прообразами — реальными фактами естественных языков. Лингвистический язык типа IV — это не что иное, как система лингвистических понятий и соответствующая терминология. (Более подробно о формальных языках лингвистики говорится в работе [3], где и предложена использованная здесь классификация этих последних.)

В данной статье нас будет интересовать только лингвистический язык класса IV — т. е. лингвистические термины и стоящие за ними понятия. Хорошо известно, насколько неблагоприятно положение в этой сфере: неряшливость лингвистической терминологии и крайняя распыленность лингвистических понятий давно стали притчей во языцех даже среди самих лингвистов.

С одной стороны, подавляющее большинство лингвистических терминов имеют каждый много разных значений не только в продукции разных лингвистических школ и направлений, но и в творчестве одного и того же лингвиста, зачастую — даже в пределах одной и той же работы. Достаточно напомнить такие термины, как «фонема», «морфема», «синтагма», «синтаксическая структура» или «фразеологическое сочетание». В то же время очень многие сходные или тождественные лингвистические понятия называются разными исследователями по-разному, что крайне затрудняет сопоставление результатов разных работ и формирование единой картины. Недаром существуют работы, посвященные переводу разных лингвистических языков класса

IV (или их фрагментов) друг в друга: ср. опыт перевода языка ельмслевской глоссематики на язык пост-блумфилдовской дескриптивной лингвистики в [1], языка Московской фонологической школы — на язык Ленинградской и Пражской школ в [4], с. 90 и сл., и т. п. Число работ, устанавливающих соответствия между отдельными терминами и группами терминов в разных традициях, очень велико.

С другой стороны, помимо слишком высокой степени омонимичности/полисемичности и синонимичности лингвистической терминологии, она страдает еще более серьезным недостатком: сами понятия в большинстве случаев настолько расплывчаты, что практически можно отрицать существование в лингвистике строго определенных и в то же время общепризнанных понятий (за исключением, разумеется, таких специальных, сильно математизированных областей, как исследование, связанные с теорией формальных грамматик, теорией автоматического перевода и т. д.). Вообще в «большой лингвистике», по существу, нет даже единого и всеобщего понимания того, что такое СТРОГОЕ определение.

Сказанное вовсе не означает, будто в лингвистике никто и никогда не пользовался строгими понятиями. Напротив, вполне строго определенные понятия вводятся во многих лингвистических работах традиционного характера (образцом исключительно тщательного построения и использования системы лингвистических понятий может служить книга [5]); строгие определения являются скорее нормой в работах представителей современных лингвистических направлений; кроме того, известно так много попыток (и в том числе — вполне, на наш взгляд, удачных) предложить строгие определения отдельных понятий и соответствующих терминов, что здесь их просто невозможно перечислить.

Однако, при всей их многочисленности, опыты строгого определения лингвистических понятий остаются пока локальными, разрозненными явлениями. Понятия эти, как правило, не образуют единых систем¹, плохо согласуются друг с другом и не

¹ В тех немногочисленных случаях, когда все-таки предлагается целостная система понятий и, соответственно, единая система терминов, перед нами обычно — концепция какой-то одной (и, скорее всего, весьма специфической) лингвистической школы — так обстоит дело, например, с глоссематикой Л. Ельмслева. Мы же ставим здесь перед собой цель формализовать и упорядочить общелингвистическую, т. е. вполне традиционную, терминологию и стоящую за ней систему понятий.

сводятся к какому-либо небольшому набору эксплицитно заданных исходных (= неопределяемых) понятий. Поэтому они не становятся общепринятыми, не находят себе места в стандартных руководствах, вузовских курсах и справочниках; каждый исследователь, желающий пользоваться в своей работе строгими понятиями, вынужден определять чуть ли не все, в том числе даже самые фундаментальные, лингвистические понятия сам и для себя. В результате — «сколько лингвистов, столько лингвистик»; эта шутливая формулировка прекрасно отражает господство натурального хозяйства в лингвистической терминологии.

И наконец, с третьей стороны, — в лингвистике часто не проводится четкое различие между построением строгого определения некоторого понятия, оценкой содержательной пригодности этого понятия и выбором для него подходящего имени-термина. Поэтому анализ понятий, имеющий целью их уточнение, нередко подменяется бесплодными спорами о словах.

К сожалению, существующие словари лингвистических терминов мало помогают преодолению терминологического хаоса. Дело в том, что эти словари (во всяком случае, те, которые известны автору) являются дескриптивными, а не прескриптивными: они отражают только существующие (по возможности — наиболее широко принятые) употребления терминов. Одни из них (например, [6] и [7]) просто приводят готовые определения понятий, цитируя работы лингвистов той или иной школы; в других (например, [8] и особенно [9]) делается попытка сформулировать все определения более единообразно и отчетливо — но опять-таки всецело на основе господствующих в лингвистической литературе употреблений терминов. По-видимому, до сих пор не существует НОРМАТИВНОГО (= прескриптивного) словаря лингвистических терминов. Мы имеем в виду такой словарь, в котором были бы заранее фиксированы все исходные, неопределяемые понятия, а остальные понятия получали бы строгие определения (в точном, а не метафорическом смысле слова!), конструируемые только либо из исходных, либо из уже ранее определенных понятий; при этом желательно также, чтобы вводимые понятия и выбираемые для них термины максимально соответствовали существующим понятиям, представляя собой их естественное уточнение, а не нечто совершенно новое, никак не связанное с многолетней лингвистической традицией.

Думается, что создание такого «идеального» словаря лингвистических терминов может рассматриваться как первоочередная, и притом чисто теоретическая проблема. Ведь в действи-

тельности речь идет не просто о каталогизации и систематизации готовой терминологии, а о создании строгой системы понятий лингвистики, т. е. о стандартизации и формализации ее языка — а это, как уже было сказано, есть неперемное условие ее прогресса. Выдвижение словаря терминов в качестве главной цели — это не более, чем удобный *façon de parler*, позволяющий, как нам кажется, упростить изложение.

Очевидно, что построение единой системы понятий для лингвистики, пусть лишь для одной ее области (в нашем случае — для морфологии), обязывает следовать более или менее единой и цельной лингвистической концепции. Такой концепцией для автора является теория моделей типа «Смысл ↔ Текст» [25]. Тем не менее, автор стремится удержаться на максимально широкой точке зрения и не вносить в конструируемую систему понятий различные частности, связанные с конкретными особенностями разрабатываемой им и его коллегами модели языка. По существу, активно эксплуатируется лишь ее главный принцип: описание естественного языка есть, в первую очередь, описание соответствий между смыслами и текстами, причем эти соответствия целесообразно описывать в терминах ряда уровней, промежуточных между смыслами и текстами. В предлагаемых ниже определениях учтено, насколько это оказалось возможным, некое «усредненное» (в частности, наиболее распространенное) понимание соответствующих явлений; точно так же, автор сознательно сохранял традиционную терминологию, обозначения и т. п.

§ 2. СТРОЕНИЕ СЛОВАРНОЙ СТАТЬИ В ПРЕДПОЛАГАЕМОМ СЛОВАРЕ ЛИНГВИСТИЧЕСКОЙ ТЕРМИНОЛОГИИ

Попытаемся представить себе, как могла бы выглядеть словарная статья в нормативном словаре лингвистической терминологии (далее — СЛТ). В основу наших рассуждений положены:

- опыт и результаты разработки различных терминологических словарей, как лингвистических, так и не лингвистических;
- опыт работы над толково-комбинаторным словарем (ТКС) русского языка, см. [10]-[12], а также [25, с. 110-133];
- результаты собственных попыток автора уточнить некоторые лингвистические понятия, см. [13]-[18].

Словарная статья СЛТ мыслится нами как состоящая из двенадцати разделов, или словарных зон:

1. **Вокабула**, т. е. заглавное слово (или словосочетание), — описываемый в данной статье термин. По существу, вокабула — это просто имя словарной статьи; в наших примерах набирается прописными буквами.

2. **Этимология** — указание языкового или научного происхождения термина, а именно:

— для иностранных терминов указывается их этимологический состав, т. е. объясняется внутренняя форма, например: **МОРФОЛОГИЯ** (греч. *μορφή* 'форма' + *λόγος* 'наука' ≈ 'наука о формах');

— для терминов, восходящих к определенному исследователю или направлению, указывается автор (со ссылкой на соответствующую публикацию).

3. **Словарный вход** — выражение, представляющее употребление термина в составе соответствующей ему пропозициональной формы (с переменными). Словарный вход необходим, разумеется, лишь для терминов-предикатов (см. [32, с. 3, 15]), например: **ПРЕДСТАВИМЫЙ** *X представим через X_1, X_2, \dots, X_n и операцию \oplus* . (В приводимых ниже образцах словарных статей словарный вход набирается курсивом.)

4. **Толкование**, или определение, термина — важнейшая часть словарной статьи. Толкования в СЛТ должны удовлетворять следующим четырем требованиям²:

Требования к языку толкований.

(i) В толкованиях недопустима омонимия/полисемия: никакое выражение не должно использоваться в толкованиях в разных значениях. (В случае наличия омонимичных или полисемичных терминов, которые приходится использовать в толковании, их необходимо различать посредством цифровых индексов.)

(ii) В толкованиях недопустима синонимия: никакое значение не должно представляться в толкованиях разными выражениями. (В случае наличия синонимичных терминов или просто синонимичных оборотов речи, конструкций и т. п. необходимо

² Подобные требования к толкованиям (терминологических и не терминологических словарей) формулировались неоднократно: см. хотя бы [19, 11, 20 и 21]. Однако в связи с их важностью, а также поскольку фактически они не являются общепризнанными, мы сочли целесообразным выписать эти требования здесь еще раз.

СЕМИОТИКА И ИНФОРМАТИКА

Выпуск 35

Издатель А. Кошелев

Подписано в печать 3.11.97. Формат 60x90 1/16.

Бумага офсетная № 1, печать офсетная.

Усл. п. л. 25. Заказ № 2630 Тираж 1000.

Издательство «Языки русской культуры».

129345, Москва, Оборонная, 6-105; ЛР № 071304 от 03.07.96.

Тел. 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

E-mail: mik@sch-Lrc.msk.ru

Отпечатано с оригинал-макета во 2-й типографии РАН.

121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гюозис».

Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 17 ч.).

Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.

(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles

by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su